

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-1-85-92

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ* (часть II)

Регула М. Цвален

Институт экуменических исследований Фрибургского университета
ул. Европы, д. 20, Фрибург, Швейцария, 1700

Перевод с немецкого

А.С. Цыганкова

Институт философии РАН
Гончарная ул., 12/1, Москва, Россия, 109240

Идеи Л.Н. Толстого являются одним из решающих катализаторов возникновения «нового религиозного сознания» и религиозной философии в начале XX века в России. Многие религиозные философы, которые в отличие от Льва Толстого верили в возможность реформирования Русской православной церкви, разрабатывали обстоятельную аргументацию как за, так и против толстовского морального учения. Что же касается веры в воскресение Христа, понимания искусства, отношения к «этому миру», прогрессу и культуре, то многие из них следовали за идеями Вл. Соловьева, который резко критиковал взгляды Л.Н. Толстого. В 1912 г. в издательстве «Путь» в свет вышел сборник «О религии Льва Толстого», посвященный памяти умершего в 1910 г. графа, который должен был служить «его же великой задаче» — «религиозному пробуждению современного общества» и в то же время бороться с заблуждениями толстовства. Спор с религией Толстого дал подходящее основание для проекций ключевых вопросов современной ему русской философии: во-первых, взаимоотношение между верой и разумом, во-вторых, отношение между духом и природой, в-третьих, конфликт между индивидом и обществом, в-четвертых, цель и смысл человеческого творчества и культуры. В виду различных интерпретаций идей Л.Н. Толстого русская религиозная философия показывает себя не как однородное единство, но демонстрирует многообразие личных стремлений ее представителей. Общим для них является то, что все они высоко оценивают литературный труд русского писателя и его возвышенные моральные притязания, но при этом отграничиваются от него, желая сохранить верность церковным догматам.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Вл. Соловьев, религиозная философия, «новое религиозное сознание», этика, разум, непротивление злу силой

* Перевод к. филос. н., научного сотрудника сектора истории русской философии Института философии РАН А.С. Цыганкова выполнен с любезного разрешения Регулы М. Цвален по изданию: *Zwahlen R. Russische Religionsphilosophie // George M. et al. (Hg.), Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker, Göttingen 2014, S. 594—607.*

ВЕРА И РАЗУМ

Сергей Булгаков дал точную формулу наиболее распространенной позиции, направленной против религии Л.Н. Толстого: «Религия Толстого есть существенно религия самоправедности и самоспасения разумом и разумным поведением» [3. С. 617]. Это суждение он подкрепляет цитатой из самого Толстого: «Христос учит людей не делать глупостей. В этом состоит самый простой, всем доступный смысл учения Христа» [4. С. 279]. Религия Л.Н. Толстого далека от любой метафизики и мистики христианского Откровения и имеет лишь общую этику с христианством [5. С. 240]. Николай Бердяев подчеркивал, что учение о Христе-Спасителе возмущает Толстого, потому что оно снимает с людей ответственность за их поступки. Не через личность Христа, но через выполнение заветов Христа спасается человек в религии Толстого [1. С. 249—250]. То, что с этим учением Толстой зашел в тупик, стало очевидным для С.Н. Булгакова в поздних рассказах писателя — «Дьявол» и «Отец Сергей», где все протагонисты теряют веру в Бога и в возможность ведения морально праведной жизни на основании собственных сил [3. С. 631].

Федор Степун рассуждал о толстовском ослеплении народной святостью: вначале Толстой полагал, что истину нужно искать не в разуме, а в «вере простого народа». Однако вскоре писатель, вновь разочаровавшись, отвернулся от него, потому что «народ» болтал во время богослужений. Л.Н. Толстой не понял, как указывает Ф.А. Степун, что аутентичность народной веры как раз и состоит в том, чтобы благословить свою повседневность *в церкви*, а не в том, чтобы рационально следовать литургии [11. С. 449—452].

Согласно С.Н. Булгакову, из своей воодушевленности «народом» Толстой сделал ложные выводы о том, что физический труд простого крестьянина есть ключ к истинной вере — «как будто не существует мужицкого атеизма!». Это учение в качестве религии было слишком рациональным, а в качестве жизненной поддержки в мире, напротив, слишком иррациональным [4. С. 282, 295]. Василий Зеньковский называл Толстого «мистиком разума», у которого настойчивый поиск смысла был вызван мистико-религиозной потребностью, а именно потребностью в преодолении смерти, а не каким бы то ни было рациональным вопрошанием. Отсюда вытекают многие противоречия в мышлении графа, которое покоилось на эмпиризме и индивидуализме и при этом оспаривало как правдоподобность опыта других, так и действительность откровений из иной реальности [6. С. 29—33]. Семен Франк также отмечал подобную односторонность Л.Н. Толстого, которая, по его мнению, однако не свидетельствует о слабости толстовской мысли, как это часто утверждается, но, напротив, показывает большую логическую последовательность мышления графа [14. С. 300]. Лев Шестов, который по сравнению с упомянутыми мыслителями активно отстаивал точку зрения о несовместимости веры и разума, пришел к выводу, что высказывание Толстого «Бог есть добро» идентично высказыванию Фридриха Ницше «Бог мертв». В поисках достойного для человека смысла жизни любовь для обоих не имела значения. Как Анна Каренина, которая восстала против принципа блага, так и Иван Ильич, который вел

«морально праведную» жизнь, у Л.Н. Толстого хладнокровно отправляются на смерть, без того, чтобы они предварительно успели отыскать смысл жизни. Как и многие другие, путем анализа *литературного* наследия Толстого Л.И. Шестов приходит к выводу, что едва ли граф мог быть полностью убежден в пригодности своей разумной веры [16. С. 154, 169—173, 224, 252]. Также и Владимир Эрн констатировал, что несовместимость Л.Н. Толстого с толстовством является очевидной [15. С. 15].

ДУХ И ПРИРОДА

Борьба против марксистского материализма была борьбой за духовные ценности. Поэтому для многих религиозных философов особенно провокационным являлось то, что Л.Н. Толстой не пожелал поместить духовно-моральные ценности в область трансцендентного. Отсюда Толстой и обозначался как «ясновидец плоти» (Мережковский), «духовный нигилист» (Ильин), пантеист (Бердяев, Зеньковский) или физиократ (Булгаков). Согласно Н.А. Бердяеву, граф был пантеистом, потому что смешивал в своем учении Бога, Благо, Мировую душу и природу. В подтверждение этого Бердяев цитирует самого Л.Н. Толстого: «человеческой природе свойственно делать то, что лучше». Чтобы познать собственную натуру, т.е. закон Божий, достаточно следовать голосу разума, все зло держится на том, что человек этого не делает [1. С. 251—253]. В отличие от Бердяева В.И. Экземплярский не высмеивает данное притязание, но подчеркивает совпадение мыслей Л.Н. Толстого с учением Иоанна Златоуста, согласно которому заповеди Христа не должны усложнять человеческую жизнь, но, напротив, призваны облегчать ее, потому что они являются «естественными» [14. С. 98—100].

Так же, как и Н.А. Бердяев [1. С. 247], потерю личностного измерения в религии Л.Н. Толстого критикует В.В. Зеньковский. По Толстому, как указывает Зеньковский, человек должен освободиться от своей личности, чтобы иметь возможность принять участие в вечности в качестве «разумного Я», познающего благо. Вопрос о личностном воскрешении, таким образом, больше не ставится [6. С. 54]. В противоположность этому С.Л. Франк и С.Н. Булгаков хвалили учение Л.Н. Толстого о личностном совершенствовании, которое приводило к «духовному рождению личности». То, что каждый человек свободно несет ответственность за свою жизнь, полностью соответствует христианскому учению, по мнению этих мыслителей [5. С. 237; 13. С. 306]. Однако Л.Н. Толстой начал менять методы и цели духовного совершенствования: христианскую аскезу как метод достижения духовной независимости от природы граф превратил, как полагает С.Н. Булгаков, в социальную, физиократическую утопию (1). Согласно Толстому, физический труд крестьянина лучше всего способствует удовлетворению всех человеческих потребностей.

Булгаков в первую очередь, как профессор экономики, возмущен экономической наивностью графа, который не может предложить ничего полезного для решения актуальных социальных проблем [4. С. 276, 294—295]. Для С.Н. Булгакова духовная задача человека также состоит в том, чтобы развивать творческое

отношение к природе, а не исключительно в удовлетворении базовых потребностей. Отказ от духовных потребностей, которые нельзя удовлетворить посредством простого единения с природой, ведет, согласно Ивану Ильину, от идеи аскезы напрямую к сентиментальному гедонизму [7. С. 338—339].

По мнению В.В. Зеньковского, Л.Н. Толстой все-таки остается последователем рационального спиритуализма, потому что отклоняет чувственную телесность человеческого бытия и обозначает христианское представление о «воскресении плоти» в качестве невозможного. Христианство же, напротив, рассматривает человека как единство духа, души и плоти и признает «если хотите, относительную правду материализма» [6. С. 54—56]. Также и С.Л. Франк пришел к выводу, что имманентная миру мораль Толстого парадоксальным образом совсем отрицает мир, созданный Богом [13. С. 306].

ИНДИВИД И ОБЩЕСТВО

По мнению С.Л. Франка, демаркационная линия между Л.Н. Толстым и большей частью русской интеллигенции проходит по вопросу о том, может ли вести личностное совершенствование или общественная деятельность к лучшей жизни. Общность этих двух направлений заключается в том, что они утверждают несоместимость одного с другим [13. С. 306]. Такие мыслители, как Франк и Булгаков, искали здесь промежуточных позиций, они осуждали эгоизм и анархию, при этом защищая «религиозный индивидуализм» [13. С. 306], который, по их мнению, является продуктивным для общественной жизни. По С.Н. Булгакову, путь общественно-личностного совершенствования пролегает по диагонали в системе координат между вертикальными абсолютными ценностями Бога и горизонтальными относительными ценностями мира. Л.Н. Толстой истолковывает Нагорную проповедь в анархо-абсолютистском ключе, потому что он не желает признавать никаких относительных ценностей. Христианская же этика, согласно Булгакову, отличается тем, что она использует горизонталь (историю, общество, государство, право, экономику) в качестве инструментов для реализации блага и не отказывается от нее радикально [4. С. 276, 288—290].

Евгений Трубецкой критиковал как анархизм Л.Н. Толстого, так и теократию В.С. Соловьева (подчинение государства церкви) и призывал к отделению церкви от государства во имя религиозной свободы [12. С. 60, 72]. По причине того, что Толстой научил русских пассивно доверять власти природы и не брать на себя личную ответственность за общество, Н.А. Бердяев обозначил его как «антиобщественного индивидуалиста» [1. С. 246] и даже как «злого духа русской революции» [2. С. 79, 81].

Особенно остро реагировали почти все религиозные мыслители вслед за В.С. Соловьевым на взятое графом из Нагорной проповеди требование не противостать злу силою. И.А. Ильин предьявляет ему укор в бесхарактерной трусости [7. С. 341—342], В.Ф. Эрн говорит об освященной церковью защите «духовных сокровищ веры» [15. С. 243], В.В. Розанов напоминает об изгнании Иисусом торговцев из храма и о словах: «не мир пришел я принести, но меч» (Мат 10:34) [9. С. 266, 289].

По-видимому, толстовское изложение Нагорной проповеди привело к чуть ли не реформаторскому, углубленному рассмотрению Евангелия. Лишь С.Л. Франк в этой связи указал на то, что Л.Н. Толстой раскрыл разрушительную «фундаментальную аксиому» всей радикальной интеллигенции — как религиозной, так и атеистической — которая говорит о том, что «цель освящает средство». При помощи этого Толстой противопоставил себя марксистскому социализму, который желал достичь общественного мира посредством классовой борьбы. Однако и Л.Н. Толстой ошибался, когда полностью отверг насильственные действия. Соответствующие слова в Евангелии касаются *внутренней* мотивации, а не *внешних* поступков. Правильное учение о непротивлении злу силой подразумевает, что средства должны соответствовать их целям: ненависть не может быть преодолена ненавистью, но только любовью и кротостью, даже если последние иногда требуют применения насильственных средств (к примеру, освобождение жертвы из-под власти ее мучителя). Однако желательно, чтобы подобное применение реализовывалось все реже. И при этом именно анархист Толстой сформулировал лучшее условие для общественного прогресса, как полагает С.Л. Франк [13. С. 301—303].

КУЛЬТУРА

Поскольку Л.Н. Толстой осуждал все то, что непосредственно не служило делу самосовершенствования, как пустое любопытство, И.А. Ильин назвал его религиозным, эстетическим, правовым и патриотическим нигилистом [7. С. 332—336]. Культура во всех ее аспектах человеческого творчества для русских религиозных мыслителей имела важнейшее значение. Толстовский апофеоз физического труда, по Н.А. Бердяеву, есть полностью справедливая критика графа, направленная против безбожного мещанства знатного общества, которая, к сожалению, выродилась в безудержную критику любой культурной формы [1. С. 245]. С.Н. Булгаков, явно впечатленный требовательным к экономике влиянием «протестантского духа», указывал на христианство как на корень европейской культуры. Он противопоставил в качестве культурно-исторической силы понятие «мирской аскезы» Макса Вебера отрицающей мир аскезе Льва Толстого. Нагорная проповедь учит не материальному упрощению и невежеству, а духовной простоте и мудрости. Русский народ страдает не от сложности культуры, а от материальной бедности и недостаточного образования. Однако стоит отдать должное Л.Н. Толстому, как считает С.Н. Булгаков, за то, что он бичевал материалистическую культуру комфорта и стал могущественным пророком «истинной, высокой духовной культуры» [4. С. 276, 292—298]. Также В.И. Иванов признавал заслугу графа в том, что он раскрыл относительность культурных ценностей, которые нельзя абсолютизировать. Однако речь не должна идти о том, чтобы на этом основании полностью от них отказаться, но о том, что их необходимо рассматривать как символы Абсолюта. Икона тому является самым прекрасным примером [8. С. 272—274].

Русские религиозные мыслители рассматривали Толстого в качестве могущественного общественного авторитета, который в нужное время ставил правильные вопросы, однако не нашел на них адекватных ответов. Н.А. Бердяев полагает, что «без толстовской критики и толстовского искания мы были бы хуже и проснулись

бы позже. Без Л. Толстого не стал бы так остро вопрос о жизненном, а не риторическом значении христианства» [1. С. 262]. С печалью цитирует С.Л. Франк раннего, недогматического Толстого из рассказа «Люцерн»: «Ежели бы только человек выучился не судить и не мыслить резко и положительно и не давать ответы на вопросы, данные ему только для того, чтобы они вечно оставались вопросами! (...) И кто видел такое состояние, в котором бы не было добра и зла вместе?» [11. С. 24]. Все русские религиозные философы без исключения, в конечном счете, убеждены в том, что все «неосторожные слова» Л.Н. Толстого потеряют свою силу [15. С. 248]. Для Толстого справедливо то же, что для Фауста Гёте: «Чья жизнь в стремление вся прошла, того спасти мы можем» (2). Именем всего того доброго, что сотворил Толстой, «да простит его Господь» [6. С. 58].

© Zwahlen R., 2014

© Цыганков А.С., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Согласно американскому экономисту Генри Георгу, которым был вдохновлен роман Толстого «Воскресение», «физиократия» исходит из того, что работа на земле является единственным продуктивным трудом и потому экономическое создание стоимости является удачным только в сельскохозяйственном секторе.
- (2) Как Федор Степун, так и Вячеслав Иванов цитируют эти строчки из второй части «Фауста» Гёте. См. Степун Ф.А. Религиозная трагедия Льва Толстого. С. 470; Иванов В.И. Лев Толстой и культура. С. 563. При переводе использован текст Ф. Степуна. — *Прим. пер.*

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бердяев Н.А.* Ветхий и новый завет в религиозном сознании Л. Толстого // Л.Н. Толстой: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2000. С. 243—263.
- [2] *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // «Из глубины». Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1990. С. 123—139.
- [3] *Булгаков С.Н.* Человекобог и человекозверь // Л.Н. Толстой: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2000. С. 601—638.
- [4] *Булгаков С.Н.* Простота и опрощение // Л.Н. Толстой: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2000. С. 274—298.
- [5] *Булгаков С.Н.* Л.Н. Толстой // Тихие думы. М.: Республика, 1996. 510 с.
- [6] Зеньковский В.В. Проблема бессмертия у Л.Н. Толстого // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912. С. 27—58.
- [7] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой // Л.Н. Толстой: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2000. С. 331—342.
- [8] *Иванов В.И.* Лев Толстой и культура // Л.Н. Толстой: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2000. С. 563—574.
- [9] *Розанов В.В.* Еще о гр. Л.Н. Толстом и его учении непротивлении злу // Л.Н. Толстой: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2000. С. 264—273.
- [10] *Степун Ф.А.* Религиозная трагедия Льва Толстого // Л.Н. Толстой: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2000. С. 445—470.
- [11] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935. 376 с.

- [12] *Трубецкой Е.Н.* Спор Толстого и Соловьева о государстве // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912. С. 59—75.
- [13] *Франк С.Л.* Нравственное учение Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2000. С. 299—308.
- [14] *Экземплярский В.И.* Гр. Л.Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взглядах на жизненное значение заповедей Христовых // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912. С. 76—113.
- [15] *Эри Вл.* Толстой против Толстого // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912. С. 214—248.
- [16] *Schestow L.* Tolstoi und Nietzsche. Die Idee des Guten in ihren Lehren. Deutsche Übersetzung von Nadja Strasser. München: Matthes und Seitz Verlag 1994. 304 S.

DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-1-85-92

LEO TOLSTOY AND RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY (PART II)

Regula M. Zwahlen

Institute of Ecumenical Studies of the University of Freiburg
1700, Switzerland, Freiburg, st. Europe 20

Translated from German by

A.S. Tsygankov

RAS Institute of Philosophy
Goncharnaya Str., 12/1, Moscow, Russia, 109240

Abstract. The Ideas of Leo Tolstoy are one of the key catalyzers for the emergence of the “new religious consciousness” and religious philosophy at the beginning of the XX century in Russia. Many religious philosophers who, unlike Leo Tolstoy, believed in the possibility of reforming the Russian Orthodox Church, developed a detailed arguments both for and against Tolstoy’s moral doctrine. As for faith in Christ resurrection, art of understanding, attitude to “this world”, progress and culture, many of them followed the ideas of Vladimir Solovyov, who had sharply criticized the views of Leo Tolstoy. In 1912 the publishing house called “The Way” released a book “About Leo Tolstoy’s religion”, it was dedicated to the memory of the deceased Count in 1910, which would serve as “his own great task” — “religious awakening of modern society” — and at the same time to deal with the errors of Tolstoy. The results of debate with the Tolstoy’s religion had given a good basis for the projections of the key issues of Russian philosophy: first, the relationship between faith and reason, and secondly, the relationship between spirit and nature, and thirdly, the conflict between the individual and society, fourthly, purpose and meaning of human creativity and culture. In view of the different interpretations of the ideas of Leo Tolstoy Russian religious philosophy revealed itself not as a homogenous unity, but they demonstrated diversity of personal aspirations of its members. What they have in common are the appreciation of the literary work of Russian writer and his lofty moral claims, but at the same time, they separated themselves from him, in order to remain faithful to Church dogmas.

Key words: Leo Tolstoy, Vl. Solovyov, religious philosophy, the “new religious consciousness”, ethics, reason, nonresistance to evil by force

REFERENCES

- [1] Berdjaev NA. Vethij i novyj zavet v religioznom soznanii L. Tolstogo [Old and New Testaments in Tolstoy’s religious consciousness] *L.N. Tolstoj: pro et contra*. St. Petersburg: Izdatel’stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta; 2000. p. 243—263. (In Russ).

- [2] Berdjaev NA. Duhi russskoj revoljucii [The spirits of the Russian Revolution] *“Iz glubiny”*. *Sbornik statej o russskoj revoljucii*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta; 1990. p. 123—139. (In Russ).
- [3] Bulgakov SN. Chelovekobog i chelovekozver' [Man-God and man-beast] *L.N. Tolstoj: pro et contra*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta; 2000. p. 601—638. (In Russ).
- [4] Bulgakov SN. Prostota i oproshhenie [Simplicity and simplification] *L.N. Tolstoj: pro et contra*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta; 2000. p. 274—298. (In Russ).
- [5] Bulgakov SN. L.N. Tolstoj [L.N. Tolstoy] *Tihie dumy*. Moscow: Respublika; 1996. 510 p. (In Russ).
- [6] Zen'kovskij VV. Problema bessmertija u L.N. Tolstogo [The problem of immortality by L.N. Tolstoy] *O religii L'va Tolstogo*. Moscow: Put'; 1912. p. 27—58. (In Russ).
- [7] Il'in IA. O soprotivlenii zlu siloj [On the resistance to evil by force] *L.N. Tolstoj: pro et contra*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta; 2000. p. 331—342. (In Russ).
- [8] Ivanov VI. Lev Tolstoj i kul'tura [Leo Tolstoy and Culture] *L.N. Tolstoj: pro et contra*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta; 2000. p. 563—574. (In Russ).
- [9] Rozanov VV. Eshhe o gr. L.N. Tolstom i ego uchenii neprotivlenii zlu [On c. LN Tolstoy and his teachings of non-resistance to evil] *L.N. Tolstoj: pro et contra*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta; 2000. p. 264—273. (In Russ).
- [10] Stepun FA. Religioznaja tragedija L'va Tolstogo [The religious tragedy of Leo Tolstoy] *L.N. Tolstoj: pro et contra*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta; 2000. p. 445—470. (In Russ).
- [11] Tolstoj LN. Polnoe sobranie sochinenij v 90-ta tomah. [Complete Works in 90 volumes that] Vol. 5. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury; 1935. 376 p. (In Russ).
- [12] Trubeckoj EN. Spor Tolstogo i Solov'eva o gosudarstve [The dispute Tolstoy and Solovyov about the state] *O religii L'va Tolstogo*. Moscow: Put'; 1912. p. 59—75. (In Russ).
- [13] Frank SL. Nravstvennoe uchenie L.N. Tolstogo [The moral teachings of L. Tolstoy] *L.N. Tolstoj: pro et contra*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta; 2000. p. 299—308. (In Russ).
- [14] Jekzempljarskij V.I. Gr. L.N. Tolstoj i sv. Ioann Zlatoust v ih vzgljadah na zhiznennoe znachenie zapovedej Hristovyh [C. L.N. Tolstoy and St. John Chrysostom in their views on the vital importance of the commandments of Christ] *O religii L'va Tolstogo*. Moscow: Put', 1912. pp. 76—113. (In Russ).
- [15] Jem VI. Tolstoj protiv Tolstogo [Tolstoy against Tolstoy] *O religii L'va Tolstogo*. Moscow: Put'; 1912. p. 214—248. (In Russ).
- [16] Schestow L. Tolstoi und Nietzsche. Die Idee des Guten in ihren Lehren. Deutsche Übersetzung von Nadja Strasser. München: Matthes und Seitz Verlag; 1994. 304 S.

Для цитирования:

Цвален Регула М. Лев Толстой и русская религиозная философия (часть II) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2018. Т. 22. № 1. С. 85—92. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-1-85-92.

For citation:

Zwahlen Regula M. Leo Tolstoy and Russian Religious Philosophy (part II). *RUDN Journal of Philosophy*. 2018; 22(1): 85—92. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-1-85-92.